

В издательстве «Художественная литература» выходит двухтомник избранных произведений Григория Бакланова, творчество которого неразрывно связано с событиями Великой Отечественной войны. В двухтомник вошли известные повести и романы писателя: «Южнее главного удара», «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут», «Июль 41 года», «Карпухин», «Друзья». Открывается он предисловием критика Л. Лазарева, фрагменты из которого мы сегодня печатаем.

НЕСКОЛЬКО лет назад, отвечая на вопрос журнальной анкеты «Какой день или эпизод войны вам запомнился больше всего и почему?», Григорий Бакланов рассказал о своем первом дне на фронте: «Всю ночь мы шли снежной дорогой, которую расчистили прошедшие впереди трактора с волокушами. Утром из окопа я увидел немецкий передний край. Я хорошо помню чувство, которое в то утро испытал (частично я об этом написал в одной из своих книг). Я вдруг понял, туда глядя, что до сих пор шел дорогой, которую проложили для меня люди; это и была моя жизнь. И вот дорога кончилась. Дальше — снежное поле. Поле и немецкий передний край, перегородивший его. Я не думал тогда категориями поколений — минувшего, грядущего... Я просто увидел и понял, что отсюда дорогу вместе со всеми прокладывать мне. И для этого мне моя жизнь. Так с тех пор и осталось со мной это чувство...».

«Я не думал тогда категориями поколений», — пишет Г. Бакланов, но то, что он рассказывает о себе, было общим для поколения, к которому он принадлежал. Оно, это поколение, сегодня представлено в нашей литературе целой плеядой хорошо известных читателей имен. Все они, восемнадцатилетние Великой Отечественной, — Василь Быков и Владимир Богомолов, Алесь Адамович и Анатолий Ананьев, Юрий Бовдарев и Виктор Астафьев — были тогда в армии самыми молодыми, но отвечать им приходилось за себя и за других без какой-либо скидки на возраст. Попавшие на фронт прямо со школьной скамьи, они, как хорошо сказал однажды Александр Твардовский, «выше лейтенантов не поднимались и дальше командира полка не ходили» и «видели пот и кровь войны на своей гимнастерке». И этим будет многое продиктовано в тех книгах о войне, которые они потом — лет через десять — пятнадцать после ее конца — начнут писать, а тогда никто из них и не помышлял о занятиях литературой: все было отдано войне, тяжкой солдатской службе. «Вполне понятно, — писал Г. Бакланов, — что мы шли тогда на фронт не материал для будущих книг собирать, а защищать Родину. Шли солдатами, на фронте становились офицерами. Излишне говорить о том, как быстро мужают на войне: год за три — это еще минимальная мера».

Вот что было в судьбе писателя самым важным, вот те университеты, где он прошел школу жизни, самую фундаментальную из всех возможных. Начал войну Г. Бакланов рядовым на Северо-Западном фронте, потом окончил артиллерийское училище — конечно, это был ускоренный выпуск — и уже офицером, командуя взводом управления, сражался на Юго-Западном (впоследствии он стал Третий Украинским) фронте — на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии. И знает передний край войны самым основательным образом: товарищей хоронил,

ные другим, не маленькие, легко заменимые винтики огромной армейской машины, а люди, у которых была единственная жизнь, и где-то в тылу у каждого из них остались родные, для которых во всем белом свете нет никого дороже, чем они.

Не все книги у Г. Бакланова о войне, но даже когда он пишет о наших днях, он остается военным писателем. И не только потому, что герои этих, его книг — люди военного поколения, не только потому, что в его очерковых произведениях о США и Канаде то и дело возникают воспоминания автора о фронтовой юности.

П Я Д Ъ О Т В О Е В А Н Н О Й З Е М Л И

был ранен и контужен, недоедал, недосыпал, мерз, тащил по непролазной весенней и осенней грязи пушки на руках, а сколько прошагал, прополз, сколько водных преград форсировал, и так уж случилось, что большей частью на подручных средствах... Отсюда бесчисленные поразительно точные подробности и поведения человека в бою, под огнем, и сурового фронтового быта, которые отличают прозу Г. Бакланова...

Есть некая загадка в том, что поколение, которое понесло на войне такие тяжелые потери — по статистике из каждых ста ушедших на фронт юношей в живых осталось лишь трое, — дало нашей литературе большой отряд ярко одаренных художников. Навينو предполагать, что пули и осколки щадили талантливых, наделенных художественным даром. Причина, видимо, в другом: война была ни с чем не сравнимым потрясением, пробудившим у некоторых людей способности, которых они в себе и не подозревали и которые в других обстоятельствах, быть может, так и остались под спудом, не были бы реализованы — за перо заставляло браться страстное желание рассказать о выпавших на их долю великих испытаниях, которые они выдержали достойно...

К одной из своих повестей Г. Бакланов в качестве эпиграфа поставил слова Юлиуса Фучика: «...Не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю». Мысль, заключенная в этих словах, составляет пафос творчества Г. Бакланова. Каждая пядь отвоєванной у врага нашей земли — у безвестных сел и на безымянных высотах — полита кровью и оплачена жизнями многих людей. И это были не статистические единицы, равнознач-

Даже не будь этого, военное происхождение художественного мира Г. Бакланова обнаруживало бы себя в воинствующей нравственной бескомпромиссности, в резком сближении причин и следствий, когда дурное и хорошее проявляется в человеке не исподволь, не постепенно, а сразу же и вполне определенно, в интересе к тем ситуациям, где обычное течение жизни прерывается событиями катастрофическими, где смерть заставляет людей задуматься над смыслом их существования. Суть нравственной позиции автора, сложившейся в суровые военные годы, проверенной в жестоких испытаниях, остается неизменной и в его книгах о современности.

Особо следует сказать об образах детей у Г. Бакланова: они играют в его художественном мире очень большую роль. Они неизменно присутствуют даже в его военных книгах, и эти короткие, мимолетные эпизоды заключают в себе в высшей мере важное для автора содержание. Это, например, молдавский мальчик в финале повести «Пядь земли», которого приласкал герой, отвыкший от домашней жизни, от детей.

Быть подлинным гуманистом, — настоящему любить детей — значит, если возникнет необходимость, защищать их с оружием в руках, нести, как бы тяжело оно ни было, бремя ответственности за их судьбу — таково неколебимое убеждение писателя. Не случайно в финале «Пяди земли» маленький мальчик с таким доверием играет оружием героя...

Этими нравственными принципами руководствовался когда-то, в годы Великой Отечественной войны, юный офицер-артиллерист, сегодня они питают творчество Григория Бакланова — немолодого уже человека и зрелого художника...

Л. ЛАЗАРЕВ.

16 МАЯ 1980